

Планы филармонии обширны и интересны. Основной задачей своей филармония ставит широкое ознакомление аудитории с лучшими произведениями русских и западноевропейских классиков и советских композиторов. Кроме симфонических концертов в Ашхабаде, предполагаются также выезды оркестра в районы. Намечается создание ансамбля для постановки классических и советских опер в концертном исполнении, хоровой капеллы и струнных ансамблей.

В молодой Туркменской республике разворачивается интенсивная, полнокровная, творческая музыкальная жизнь.

г. Ашхабад

С. Алмазов

В Таджикистане

ПЕРЕДВИЖНОЙ КОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР

На склонах гор, образующих ущелье, среди яркой зелени живописно раскинулся кишлак. Где-то вдали виднеются очертания белых домов — это большой районный центр Куйбышев. Здесь находится сейчас государственный колхозный театр Таджикистана.

Нас ожидает радушный прием. Когда темнеет, мы снова движемся в путь: весь состав колхозного театра едет в один из кишлаков — где должен быть дан концерт. Мы направляемся туда же.

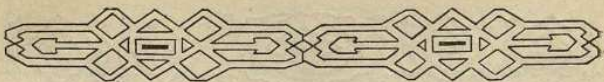
Резкий свет фар прорезывает тьму. Мы едем по дороге необычайной красоты, среди густой зелени и зарослей тростника. Но вот издали слышится мерный стук дойры и протяжное звучание зурны. Это музыканты колхозного театра созывают на концерт население кишлака.

Перед нами обширная площадка. Посередине врыт железный шест, к которому прикреплена зауженная промасленная тряпка. Это традиционный факел народных таджикских празднеств. Режиссер перенес его в театр.

Собравшиеся расселись широким полукругом под зелеными ветвями чинар. От огня, ярких тубетеек, цветных шалей женщин невольно замуриваешь глаза. Мы сидим под навесом в виде террасы. Перед нами — к стене белой кибитки прикреплен ковер: на темнорозовом бархате вышиты чудесные цветы — это, собственно, и есть сцена, где сейчас будут выступать актеры колхозного театра. Публике не терпится, она шумно хлопает в ладоши. Наконец выходит юноша в защитном костюме и звонким молодым голосом объявляет о начале концерта. Показ начался...

Как возник таджикский колхозный музыкальный театр и каково его значение?

В Таджикской республике существовал единственный драматический театр. Коллектив его работал круглый год, — зимой в Сталинабаде, летом, странствуя по всей республике. Такая нагрузка, естественно, была не под силу молодому театру. Явилась мысль о создании передвижного

театра — агитбригады, которая, собственно, и явилась началом организованного в 1933 г. музыкального театра.

Однако, агитбригада не могла удовлетворить возраставшие культурные потребности таджикского народа. С организацией в Сталинабаде музыкального театра агитбригада влилась в него.

Но театр не ставил перед собой задачи планомерного обслуживания периферии — и потому возник вопрос о создании передвижного колхоз-

ного театра республиканского значения. Это было в 1936 г. Вначале этот театр еще нельзя было назвать колхозным театром в полном смысле слова. Труппа его состояла в преобладающем большинстве из циркачей, фокусников, акробатов и т. п.

Через год уже стала ясна необходимость серьезной реорганизации театра. В районы были посланы экспедиции, отбиравшие среди колхозников талантливых людей: танцоров, певцов, сказителей. Всего было набрано 24 человека. Театр начал свою деятельность.

Работать театру было все же чрезвычайно трудно. Буржуазные националисты всячески тормозили его рост. Театр все время находился под угрозой ликвидации. [Он существовал без плана, без денег, без необходимого реквизита. Подлые враги народа делали все для того, чтобы помешать популяризации театра.]

Вышивальщица Зурра Хабилова (Таджикистан)

В Таджикистане почти ничего не знали о колхозном музыкальном театре; его узнали и им стали интересоваться лишь в 1938 г., — после того как художественный руководитель театра, т. Умаров, приехал с труппой в Сталинабад и сам, на свой страх и риск, сняв помещение центрального музыкального театра, организовал в столице Таджикистана первый показ колхозного театра.

В составе труппы сейчас — 31 человек. Все они — вчерашние колхозники и колхозницы, пришедшие из разных районов Таджикистана. Среди

них оркестранты, исполнители на народных инструментах — кеманче, думбре, тавляке, дойре, тамбуре, дутаре. В актерский состав входят 8 певцов и певиц, 5 танцовщиц и танцоров, два чтеца, два рассказчика, исполнители на народных инструментах и народные певцы.

В репертуаре колхозного театра — народные сценки, народные пляски, пение, игры, шутки, рассказы. Почти весь репертуар построен на подлинно народном таджикском материале. Народные таланты — колхозники Таджикистана — принесли в театр замечательное искусство своего народа, его традиции, создававшиеся веками в горах Средней Азии. В театре создается — народными композиторами — и советский репертуар: песни о Великом Сталине, о выборах в Верховные Советы, о новом быте.

Одна из огромных заслуг театра — исполнение шаш-макомов, народно-классической музыки таджиков в своеобразной симфонической форме. Это — произведения огромного художественного значения.

Деятельность театра многообразна. Помимо систематических творческих показов театр проводит и другую, чрезвычайно ценную работу: он выявляет народные дарования, которыми так богат Таджикистан, собирает образцы их творчества. Театр живет активной общественно-политической жизнью. Артисты в курсе всех вопросов колхозной жизни, сева, уборки урожая. Они помогают колхозникам в их работе, участвуют в кампаниях по реализации займов — не говоря уже о той большой работе, которую они проводят в самодеятельных кружках, инструктируя и направляя их.

Если где-нибудь в колхозе оказываются люди, недобросовестно относящиеся к своей работе, — то вечером артисты колхозного театра критикуют и высмеивают их недочеты в своих концертах. Огромную работу проводит в кишлаках комсомольская группа театра, помогая комсомольцам колхозов. Как правило, каждый вновь принятый в театр колхозник должен прежде всего ликвидировать свою неграмотность. Таким образом, коллектив театра живет полной, кипучей жизнью.

Однако, до сих пор еще от актеров и руководителей театром можно услышать много жалоб на ненормальности в их работе.

Прежде всего — театр не получает никакой помощи в работе над репертуаром. Колхозному театру необходим опытный литературный работник. Ведь с репертуаром иногда дело доходит до смешного. Художественный руководитель вынужден бывает часто брать материал для постановок из календарей, из разных журналов и газет. Театру необходим постоянный композитор. Нет костюмов, зарплата низка, — а ведь нужно учесть, что театру приходится работать в самой трудной обстановке: в условиях передвижки на простых грузовых машинах, в жару, в пыль, непогоду.

Совершенно ненормально положение с нагрузкой актеров. Театр обязан давать 30 концертов в месяц, — таким образом актеры не пользуются необходимым отдыхом. Помимо того, что такая нагрузка противоречит существующему положению о передвижных театрах, — она не может, конечно, не отразиться на здоровье актеров.

Концерты затягиваются иногда далеко за полночь; колхозники с

неослабевающим вниманием следят за игрой актеров. К концу показа можно услышать просьбу продолжать концерт... до утра. Трудно передать, какой огромной любовью и популярностью пользуются театр и его актеры во всем Таджикистане. А руководители сталинабадского Управления по делам искусств ни разу не удосужились организовать смотр работы театра, ни разу не потребовали отчета от руководства театром!

Государственный колхозный театр Таджикистана — огромное достижение таджикского народа. Колхозный театр — это гордость Таджикистана. Театру нужна серьезная помощь. И тогда его значение увеличится во много раз. Колхозный театр имеет все данные для того, чтобы стать большим, чрезвычайно ценным художественным коллективом.

А. Лившиц

г. Сталинабад

В Казахстане

люди искусства двух поколений

Дина Нурпеисова

Дине Нурпеисовой 76 лет. Родилась она в далеком ауле Нор-Ардынского района, в семье бедного музыканта-домбриста Кынже. Когда Дине исполнилось девять лет, отец дал ей в руки домбру, и Дина стала играть на ней — вопреки шариату.

В те годы в Казахстане жил известный народный музыкант-домбрист Курмангазы. За свободолюбивые вольные песни его отец — бай предал Курмангазы в руки царских жандармов. Многие годы талантливый народный музыкант, замечательный домбрист, провел в царских тюрьмах и ссылке.

Но ничто не могло заставить замолчать народного героя. Немало замечательных, подлинно народных песен сочинил он. Такова, например, его песня — «Прощание с домброй и с любимой матерью», которую Курмангазы сложил перед арестом. О Курмангазы и его песнях знал весь Казахстан. Огромным, радостным событием было освобождение Курмангазы из царского застенка. Весь народ из близлежащих селений вышел встречать любимого певца.

Курмангазы был первым учителем Дины Нурпеисовой, обучавшим ее игре на домбре. С законной гордостью говорит старая Дина о том, что она является последовательницей и пропагандисткой творчества Курмангазы.

Итак, девяти лет Дина начала учиться играть на домбре. С тех пор ее домбра зазвучала в аулах Казахстана. Ее вдохновенная игра доставляла слушателям огромное наслаждение. Вскоре Дина начала сочинять песни, в которых отражались жизнь и думы народа. Когда ей исполнилось 19 лет, — «солидный» возраст по старым законам! — ее выдали замуж. Она покинула отцовскую юрту и очаг.

Первым мужем Дины был бедняк Нурала Нурпеисов. Жить было

Тош-бек и Гуль-Курбон

Памирская народная сказка

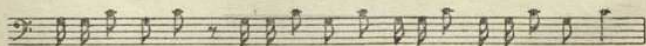
Сказка «Тош-бек и Гуль-Курбон» записана мною в августе 1935 г. на Памире, в Шугане, куда я поехала с экспедицией Среднеазиатского гос. университета. Я присоединилась к группе, направлявшейся в Шуган, а затем в Рушан — долины рек Гунта и Пянджа, населенные иранскими племенами — шуганцами и рушанцами. Трудность природных условий Памира до такой степени изолировала эти долины от остального мира, что все небольшие племена, населяющие их, до сих пор сохраняют свои, очень древние, говоры: шуганско-рушанский, ваханский, ишкашимский и др. Но в то же время они имеют и общий язык — таджикский. — «порси», как они его называют.

Певцы, с которыми я работала в кишлаке Поршневе, очень советовали мне записать сказки «О Тош-беке и Гуль-Курбон» и «О Юсуфе и Зулейхе».

Первая из них — сказка о «Тош-беке и Гуль-Курбон» была записана мною на фонограф у певца Косома Шотымурова, работающего в клубе в г. Хороге. Почти полная неизвестность шуганского фольклора (особенно музыкального) и желание зафиксировать своеобразную музыкальную форму сказки, ибо она больше поется, чем читается, побудили меня прибегнуть к такой — фонографической — записи. «Любовь Тош-бека и Гуль-Курбон» — повидимому любимая и пользующаяся большим распространением сказка, потому что о ней мне приходилось слышать в нескольких местах.

Кроме записи на фонографические валики, эта сказка записана также арабским письмом — со слов певца Шотымурова Абдулло Мухаммедом «амирзода». По замечанию проф. А. А. Семенова, оба варианта разнятся друг от друга в некоторых деталях. Печатаемая ниже сказка представляет собой вариант, записанный со слов; пение расшифровано с валиков. Исполнение сказки певцом состояло из двух моментов: самое изложение, рассказ, певец читал, а всю разговорную речь, идущую от первого лица, — он пел. Таким образом, все действующие лица сказки поют; поет Тош-бек, поет Гуль-Курбон, поют сестра Тош-бека, его первая жена, мать и т. д.

Ввиду повторения одного и того же напева, я привожу расшифровку фонографической записи только первых трех куплетов, указывая, что все остальные аналогичные моменты поются на этот же мотив. Самое «чтение» сказки можно тоже считать пением, потому что оно имеет совершенно определенную музыкальную интонацию и точную фиксацию музыкальной высоты звуков; ритм его подчиняется логическим речевым ударениям. Например, повествовательное начало сказки звучит так (расшифровано с валика):

Чтение сказки сопровождается игрою на рабобе: музыкант ударяет по пустым струнам рабоба, выдерживая на всем протяжении сказки одну и ту же тональность.

Чтобы записать всю сказку на трех больших валиках (приблизительно на 21—24 минуты времени), певцу пришлось сокращать ее, выпуская, повидимому, много деталей. Вообще же полный рассказ ее длится обычно часа три. Как истинный артист, певец вкладывал в исполнение много чувства; а пение перед валиком, который непрерывно и неумолимо кружится, требовало от исполнителя большого напряжения и стоило ему невероятных усилий. Иногда приходилось останавливать валик и давать певцу время для отдыха.

В расшифрованных мною примерах зафиксирована наиболее распространенная в Шугане и Рушане манера и форма пения: речитативный мотив, построенный на небольшом звукояре, с длительным выдерживанием одной ноты, прерываемый длинными (иногда, на наше восприятие, чрезмерными) ферматами.

Такая манера пения свойственна шугнанской народной песне (которая поется на шугнанском языке), как напр. песни «Даргиль модык», «Ляляик», «Дудувик». Песни же на иранские (таджикские) тексты («Раби»), очень распространенные, — более развиты в отношении и звукояров, и упорядочения ритма, и более определенной мелодической линии. Очевидно, эти песни — результаты дальнейшего развития народной песни под воздействием профессионалов-исполнителей и влияния других музыкальных культур — Афганистана, Ирана и Индии.

Воспроизведение сказки на фонографе в клубе Хорога произвело сильное впечатление на слушателей. Они заявили, что нужно было бы записать эту сказку на граммофонную пластинку: тогда шугнанцы, живущие вдали от родины, будут слышать родную сказку.

Тексты, записанные под нотами, отличаются от текстов, которые певец диктовал потом записывающему: при пении часто вставляются добавочные слоги, гласные к немому слогу. В конце каждой строки певец произносит напевным говорком слово, начинающее следующую строку. Манера вставлять при пении добавочные гласные, слоги и даже целые слова, отсутствующие при чтении или в разговорной речи, свойственна многим народам СССР: мы наблюдаем это в узбекской народной песне; это же явление отмечает Б. А. Пестовский в калмыцкой песне.¹ Несомненно, это чисто музыкальный прием, способствующий наибольшей вокализации мелодической линии и позволяющий создать расширение музыкальной формы, — тогда как все поэтические строки этих стихов имеют по восемь слогов.

Среди сказок, записанных А. А. Семеновым в Дарвазе (долина реки Пянджа)², имеется одна (№ 14) — «Афсона», в которой приводится нотная запись стихов, с припевом, в точности соответствующим припеву в стихах нашей сказки: «Роза! Я стал жертвой дивной красоты твоей. О, роза, я стремлюсь владеть тобой» — но с иным напевом.

Из записей шугнанско-рушанского фольклора мне известно о следующих:

Четыре песни (тексты), записанные Д. Л. Ивановым в Рушане, в Сарезе, от известного местного певца Рахматуллы Ляльдека; две на шугнанском языке, две на таджикском (стр. 279—281). К. Г. Залеман, Шугнанский словарь Д. Л. Иванова в сборнике факультета восточных языков Петербургского университета — «Восточные заметки». П. 1895, стр. 269—320.

Запись академиком Залеманом шугнанской сказки (W. Geiger. Kleinere Dialekte und Dialektgruppen, в „Grundriss der iranischen Philologie“, B. I., 2, Strassburg, 1895—1901, S. 286).

R. B. Schaw, On the Shighni Dialect (Journ. As. Soc. of Beng за 1877 г.). Записана одна шугнанская сказка.

Запись колыбельной песни, сделанная И. И. Зарубиным в 1915 г. в Сипондж на р. Бортанге (И. И. Зарубин, «Образец припамирской народной поэзии»: доклады Росс. Академии наук, 1924, стр. 82—85).

Его же запись мунджанского перевода одной шугнанской сказки (И. И. Зарубин, «К характеристике мунджанского языка», «Иран», т. 1, Л., 1927; стр. 111—199).

В заключение приношу глубокую благодарность проф. А. А. Семенову за перевод сказки и подготовку ее таджикского текста к печати, а также за указание библиографии по шугнанско-рушанскому фольклору.

Е. Романовская

Тош-бек и Гуль-Курбон

В один из годов, в одно из времен, было не было, жил да был один царь. Звали его Тош-хон. У этого царя [сначала]³ кроме дочери, не было детей. В старости у Тош-хона родился сын, которого нарекли Тош-беком. Когда Тош-беку минуло семь лет, его отдали учиться в школу. Окончив школу, он написал об этом своему отцу письмо. Его отец, приехав, взял его из школы и торжественно увез домой.

¹ См. его статью «О поэтической технике калмыцких песен», Бюллетень САГУ, № 4, февраль 1924 г.

² А. А. Семенов, «Материал для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии», часть II (памятники народного творчества и словарь), М., 1901.

³ В прямых скобках помещены слова, дополняющие смысл текста.

Однажды царский сын отправился на прогулку. В городе [где он жил], была одна красивая девушка; звали ее Бахор — что значит — Весна. Когда Бахор увидала Тош-бека, то влюбилась в его красоту. Тош-бек рассказал своему отцу про влюбленность этой девушки. Отец выразил согласие на то, чтобы Тош-бек взял ее себе в жены. Тош-бек, взяв эту девушку, привел [ее] в свой сад и сам, расположившись подле нее, заснул. Во сне он увидел, что Гуль-Курбон, дочь египетского царя, дарила ему [любовные] наслаждения и радости. Проснувшись, — он не мог прийти от любви в сознание. Посему его слуги отправились к Тош-хону и известили [его], что Тош-бек остался без сознания. Тош-хон послал к нему воинов, чтобы они разбудили его ото сна. Когда Тош-бек открыл глаза и увидел у себя в изголовьи воинов с мечами, то в страхе сказал:

У ложа моего грозно встали палачи,
Держа в своих руках медные, блестящие мечи.
(Роза!)
Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!¹

Затем он встал и отправился к отцу, сказав ему:

Что за дивный сон видал нынче я,
Будто розами полна постель вся моя!
(Роза!)
Жертвой красоты я стал твоей,
И стремлюсь я завладеть тобой!

¹ В скобки берутся слова, исполняемые речитативом (обозначенные в примере ритмическими знаками). В тексте двух последних стихов игра слов: в первом стихе Роза — имя египетской царевны (Гуль-Курбон), а во втором — слово роза употреблено в значении цветка.

Народный певец Тахыр.

После этого Тош-бек, отложивши свою печаль, собрался ехать с пятидесятью человеками в город Миср (Египет), чтобы отыскать Гуль-Курбон. Он явился к своему отцу Тош-хону испросить на это разрешение:

О, отец! В Египет ехать мне разреши,
(туда),
в край, где блещет роза моей души.
(Роза!)
Завладеть я хочу розою,
И жертвой розы я становлюсь.

Его отец, в ответ ему, сказал следующее:

Я отпущу тебя, дорогой ученый сын,
Хоть скучно без тебя — в целом мире буду я один.
(Роза!)
Я стал жертвой дивной красоты твоей,
Я стремлюсь владеть тобой!¹

Затем Тош-бек, сев верхом на коня, собрался уезжать. Его сестра, выйдя из дома, поднесла Тош-беку халат и сказала ему:

Возьми, надень, Тош-бек, легкий, длинный твой халат;²
О, как ты в нем хорош! С восхищением люди все глядят.
(Роза!)
Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Потом вышла еще его мать, заливаясь слезами и причитая:

¹ Этот куплет, как и дальнейшие, поется на мотив первого примера.

² В таджикском тексте — якта — халат, шитый из одной легкой ткани, без подкладки, надеваемый обычно в летнюю пору. У горных таджиков якта часто надевается прямо на тело. Так как в горных районах Таджикистана такие халаты обычно короткие, а длинные носят горожане или подражающие им щеголи, — то этот стих указывает на щеголеватость Тош-бека.

Как ворон, черен конь, и черны твои глаза.¹
 Пускай не видит мать, что над сыном собралась гроза.
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Тош-бек в ответ матери:

Пускай не видит мать надо мной ни бед, ни гроз.
 Пускай не видит сын милой матери горячих слез.
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Потом, подъехав к Бахор, он продекламировал ей:

О ты, моя Бахор! Плод любви — твои уста.
 Любимая моя! Словно яблоня, твой гибкий стан!
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Бахор в ответ Тош-беку пропела:

Синей, чем небеса, длинный твой халат, Тош-бек.
 Покинешь ты меня. О, какой жестокий человек!
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Затем, вставши, [Тош-бек] сел на коня и поехал; [чтобы] переправиться через море, он сел на корабль. Его дядя, подойдя, сказал ему:

По морю ты плывешь. Если грянет ураган,
 Корабль пойдет ко дну — не вернешься к милым берегам.
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Тош-бек, повернув лицо, в ответ дяде:

Я еду торговать. Ищет розу ваш Тош-бек.
 Свела меня с ума. Я рассудок потерял навек.
 (Роза!)
 Я стал жертвой дивной красоты твоей,
 О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Переехав море и высадившись на той стороне, разбили шатры, переночевали там и отправились [дальше]. Через несколько дней достигли города Мисра и, вошедши в дом одной старухи, расположились там. Старуха сварила разные кушанья, подала [им] и спросила: «Откуда вы явились и куда направляетесь?» Тош-бек сказал: «Я видел во сне Гуль-Курбон и пришел ее найти. Не знаю [только], где она живет?» Старуха сказала: «Гуль-Курбон — моя соседка и царица этого города». Тош-бек с плачем сказал старухе: «Прошу тебя — любым средством доставь меня к царскому двору, в а р к!»² Старуха сказала: «Там, где

¹ В таджикском тексте — мало понятное выражение в первом стихе. Оно напоминает — в несколько иной редакции — популярную бухарскую песенку:

«Что до черных очей твоих — они у тебя, как у ворона,
 Да не увидит мать твоего несчастья!»

² А р к — цитадель в прежних среднеазиатских городах, обычно обнесившихся стенами; иначе — внутренняя крепость, где жил правитель и помещалась государственная казна.

живет Гуль-Курбон, есть дивы и собаки, которые никогда не спят. Я их боюсь». Тош-бек дал старухе денег. Старуха пошла и принесла с базара варево. Взявши это варево, они оба пошли к жилищу Гуль-Курбон. [Они] дали варево дивам и собакам и усыпили их. В арке Гуль-Курбон были лестницы по сотне ступеней, на каждой ступени по сорок колокольчиков. Тош-бек и старуха взяли вату и положили на колокольчики. Не успели они закончить свою работу, как наступило утро. Старуха пошла к себе домой. А один див, проснувшись, схватил Тош-бека и бросил; Тош-бек, полетев, упал прямо в сад Гуль-Курбон, на одеяла¹.

Взявши ситар, он начал играть [на нем]. Гуль-Курбон, [спавшая] наверху в арке, услышав музыку, проснулась. Она приказала рабыне пойти и посмотреть музыканта. Рабыня, вставши, пошла и увидела прекрасного юношу, на лицо которого и глядеть [равнодушно] невозможно. Рабыня, придя [к Гуль-Курбон], сказала: «Это — юродивый, он просит денег». Гуль-Курбон после этого, не утерпев, вышла [сама] и увидела благородного молодого человека с ситаром в руке, который, опустив голову вниз, ногтем бьет по струнам. После этого Гуль-Курбон, взявши мед и леденец, бросила [их] ему. Тош-бек, взяв сладости, посланные возлюбленной, пропел ей:

Я пробовал твой мед, съел кусочек леденца,
Но не видал еще твоего, красавица, лица.
(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Гуль-Курбон в ответ Тош-беку:

Пришлец! в руке твоей, вижу я, сухая трость,
И веет от тебя запах мускуса, прекрасный гость!
(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! я стремлюсь владеть тобой!

Тош-бек пропел:

Красавица моя! Голос твой летит, звеня.
Не спрашивай меня, ни о чем не спрашивай меня.
(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Гуль-Курбон — в ответ:

О, юноша, взгляни, обрати глаза твои ко мне.
Я знаю, у тебя — очи крыльев ворона черней!
(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Затем Гуль-Курбон и ее рабыня, посоветовавшись между собой, привели Тош-бека к себе. Здесь Тош-бек и Гуль-Курбон расположились приятно провести время. Рабыня же, обманно уйдя, известила [обо всем] царя, отца Гуль-Курбон. Царь послал людей, [те], взяв Тош-бека, привели [его] к царю. Царь спросил: «Откуда ты и зачем явился [сюда]?» Тош-бек рассказал царю, как он во сне увидел Гуль-Курбон и влюбился

¹ Для сидения на полу — в комнате — и на земле, на открытом воздухе, обычно постилают большие ватные одеяла.

в нее, как приехал [сюда] для того, чтобы найти Гуль-Курбон. Царь сказал: «Ты затеял очень хорошее дело, но я должен отдать Гуль-Курбон другому властителю. Если я ее сейчас отдам тебе, то царь причинит мне вред. Если можешь, убей его, и я отдам тогда тебе дочь». Тош-бек сейчас же отправился со своими [пятидесятью] людьми на войну с [соперником] властителем. Убив его и взяв его голову, он прибыл [обратно к отцу Гуль-Курбон]. В то время Гуль-Курбон, услышавши обо всем, одела мужское платье и появилась на площади. Погнавши своего коня, она поразила у Тош-бека лошадь и уехала наверх [в арк]. Появившись оттуда, она снова поразила у него коня и подошла к нему. Тош-бек не узнал ее. Он поднял плеть и ударил Гуль-Курбон по голове. Тогда Гуль-Курбон сказала:

Ударил ты меня, на друга поднял плеть!

Ты не узнал меня, не сумел подругу разглядеть.

(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,

О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Затем [оба] явились к царю, отцу Гуль-Курбон, и устроили пир. Тош-бек, заключив брачный союз с Гуль-Курбон, взял [ее]. Спустя некоторое время, Тош-бек захотел вернуться на родину. Получив разрешение своего тестя, отца Гуль-Курбон, он отправился [домой] вместе с Гуль-Курбон. Достигнув морского берега, они разбили шатры и оставили в них войско Тош-бека вместе с Гуль-Курбон; сам же Тош-бек, переправившись через море, прибыл в [родной] дом и увидел, что отца его лишили царства и оба они, отец и мать его, ослепнув, поселились в одной старой хижине.

В день прибытия Тош-бека, его брат, который родился после его отъезда, и его сестра, вставши ото сна, пришли к родителям. И сестра его сказала своему отцу про виденный ею сон:

Мне снился страшный сон, что погиб Тош-бек, мой брат,

И к телу мертвеца с громким криком вороны летят.

(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,

О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Затем подошел ее брат и также рассказал свой сон:

Я видел сон, что брат возвратился в дом родной,

Красавицу-жену — Гуль-Курбон — привел он за собой.

(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,

О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Потом Тош-бек, спустившись через крышу, вошел [в дом]. Отец его спросил: «Кто ты?» Он сказал: «Я — Тош-бек». Его родители, подойдя, обняли его и начали целовать. Затем Тош-бек ушел и привез в дом свою невесту Бахор.

Пока путешествовал туда Тош-бек, Гуль-Курбон, вышив для него шапочку, пропела в честь него:

Я шапочку тебе вышила со всех сторон.

Любимый Тош-бек, по тебе сгорает Гуль-Курбон.

(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,

О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Потом Тош-бек [вернувшись,] взял свое войско вместе со своею женой Гуль-Курбон и привел [их] в свой город. Царю же [отнявшему царство у его отца], он написал письмо, чтобы он оставил царство его отца и удалился, а если не хочет, то пусть готовится к войне. Царь, когда увидел послание Тош-бека, [не стал дожидаться, пока] ночь сменится днем, и двинулся путем-дорогой в степь. А утром явился Тош-бек, вошел в крепость царя и опять сделал своего отца царем родной страны. Получив разрешение Гуль-Курбон, он вступил также в брак с Бахор, взял ее в жены. Так что у Тош-бека с одной стороны сидела Гуль-Курбон, а с другой — Бахор. Отец и мать Тош-бека, сойдя с трона и приветствуя их, говорили:

Пожалуйте, друзья! Я желаю счастья вам,
И за своих друзей в жертву жизнь охотно я отдам.
(Роза!)

Я стал жертвой дивной красоты твоей,
О, роза! Я стремлюсь владеть тобой!

Короче говоря, они — Тош-бек и Гуль-Курбон — достигли престола и счастья.

Рассказ о Тош-беке кончен.

Перевод с иранского — А. Семенова
Стихотв. перевод — С. Болотина